

*Субъективное и объективное начала
в русской литературе первой трети XX века*

Панищев А.Л.

Россия, Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

Среди основных характеристик культуры Серебряного века особое внимание следует уделить его обращённости к внутреннему миру человека. Действительно, немало представителей русской культуры в своём творчестве стремились к обогащению духовного опыта, всегда направленного на воскормление личности, а отдельные из них серьёзно оказались увлечёнными идеей поиска богочеловека. Их воззрения теснейшим образом были связаны с догматикой православной Церкви, хотя отнюдь не являлись религиозными в смысле соответствия догматике Церкви. Вместе с тем православное вероисповедание во многом предрасположило поэтов, мыслителей к духовным поискам – всегда уникальным, индивидуальным. В принципе сами по себе поэзия, философия всегда, в большей или меньшей степени, исходят из духовных переживаний индивида, связанных с обогащением преимущественно субъективного мира, мира отдельно взятой человеческой души. В 1920-х годах наблюдаются существенные изменения в русской культуре, сущность и причины которых требуют пристального внимания.

С крушением старой монархической России в русской культуре стали происходить существенные изменения, вытеснившие многие прежние культурные ценности нации. Думается, что сама духовная жизнь страны, во многом определившаяся под влиянием творчества представителей культуры Серебряного века, достаточно ощутимо подействовала низвержению отжившего царского режима. В прежней духовной атмосфере такая исконная черта русской культуры, как яркая выраженность в человеке личностного начала, не могла быть наиболее полно раскрыта, обрекалась на отмирание среди однозначных директив правительства, претендовавших на охват всех граней бытия человека. Поэтому-то и не вызывает удивления то, что когда в русской философии стала столь широко и открыто обсуждаться тема богочеловечества, поднялся вопрос о такой организации жизни людей, при которой каждый из них смог бы обрести самодостаточность в Святом Духе. Всё это определённо свидетельствует о том, что в православной русской культуре почти каждый человек приходил к осознанию потребности в том, чтобы жизнь его как можно больше находилась в соответствии с духовно-нравственными принципами. Однако нельзя сбрасывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что духовный опыт всегда личностен, индивидуален и субъективен. Сам религиозный опыт, как точно заметил И.А. Ильин, «начинается с верного обретения своей собственной духовности, своей лично-духовной самосутности в её предстоянии Богу и в её достоинстве»

[4, с. 37]. Разумеется, «религиозное содержание переживается всегда лично...» [4, с. 131]. Так что вполне естественным выглядит то, что Никее-Цареградский Орос начинается со слова «Верую...» (глагола первого лица). Фактически в духовном совершенствовании и состоит смысл человеческой жизни.

Тем не менее приходится констатировать тот факт, что в 1920-х годах субъективный характер русской поэзии стал менее выражен и духовные чаяния поэтов стали уступать более вопросам общественной жизни нации. Одной из причин таких изменений явился кризис религиозного сознания народа и навязывание властями атеистического мировоззрения. Пожалуй, первые симптомы кризиса религиозного сознания в России были очевидны уже в середине XIX столетия, что весьма точно подметил Ф.М. Достоевский. «Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?..» – вопрошает один из героев романа «Бесы» [3, с. 243]. Действительно, человек духовный более всего ориентирован на внутреннюю жизнь, на опыт святых Отцов Церкви, всякое же сомнение в истинности своего вероисповедания обращает индивида к научным поискам, где он стремится получить ясные, объективно обоснованные ответы на все интересующие его вопросы. Между тем, отмечает великий писатель, «ни один народ ещё не устраивался на началах науки и разума» [3, с. 243].

Постулирование атеистических взглядов в СССР привело к тому, что духовный опыт людей по сути стал отвергаться, хотя, справедливости ради, следует сказать, что нравственность советских граждан была достаточно высока. В самом деле, ни одному государству не удалось выработать таких столь действенных моральных норм, столь развитой мощной идеологии, как это было сделано в СССР. Тем не менее, говоря о высоком нравственном облике советских граждан, невозможно утверждать, что они все, без исключения, жили духовной жизнью. Здесь важно учесть то, что нельзя сводить божественное только лишь к нравственному. Иными словами, даже развитое нравственное сознание не является абсолютным показателем того, что человек приближен к божественному. Конечно, в мире людей религия вне её морального толкования зачастую превращается в идолопоклонство. С. Булгаков верно утверждает: «Религия... в целостности своей находится выше морали и потому свободна от неё: мораль существует для человека в известных пределах, как закон, но человек должен быть способен подниматься и над моралью» [2, с. 82]. Представления об идеальном не следует сводить только к этическому, ибо Святой Дух являет собой сущность Божественную, дающую первоосновы истинному бытию. Советское же общество всю духовную жизнь человека свело к представлениям о моральном, утверждая его общественную направленность, подчиняя действия каждого человека общепринятым нормам. Сама же мораль была подчинена лишь одному институту – институту государственной власти, преследующей решение задач, интересы которых не распространяются дальше земного бытия, подчинённого естественным законам. Безусловно,

само по себе служение своим ближним вызывает одобрение, но индивид без ясного духовного мировидения может не узреть смысла в этом служении, не уразуметь того, что силы ближних, ради которых он жертвует собой, не всегда направлены на решение справедливых задач. В конечном итоге служение народу, лишённое основы в виде собственной развитой духовности, нередко превращается в человекоугодничество, преклонение перед той властью, которой люди подчинены. Между тем власть народа, отвергающая Бога, оторванная от Бога, превращается в автономную силу, которая, представляя себя всеобъемлющей, сама не осознавая этого, становится демонической. Истинная же духовность предполагает ответственность человека не только и не столько перед обществом, но, прежде всего, ответственность перед Богом, личностное отношение к собственному внутреннему миру, независимо от чего-либо внешнего. Духовность обращена не только к поступкам, объективно воспринимаемым сторонними людьми, оцениваемыми социальными институтами, но и к помыслам, анализ которых скрыт от наблюдателя извне, но доступен исключительно субъекту познания. Иными словами, духовность теснейшим образом связана с самопознанием.

В СССР же фактически был провозглашён лозунг автономности человеческого сообщества, но в этом сообществе забыли о самом человеке, что являлось закономерным результатом отвержения религиозной жизни. «Нельзя освободить человека во имя человека, не может быть сам человек целью человека», – отмечает Н.А. Бердяев [1, с. 557]. В Советском Союзе ставка только на общественное сознание привела к постулированию лишь тех идей, которые признаются объективно, понимаются и обосновываются на основании логических законов. Однако истина не всегда объективна, подчас субъективное мнение одного человека может быть ближе к истине, чем объективное мнение коллектива. В данном случае будет уместно обратиться к таким словам Н.А. Бердяева: «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины» [1, с. 97]. Такая зависимость от логической доказуемости может происходить лишь вследствие оторванности человека от метафизических основ. Между тем мир этот несовершенен, ибо наполнен страданиями и подчинён естественному закону, жало которого смертельно. «Познание наше болезненно не потому, что субъект конструирует объект,... а потому, что всё бытие наше болезненно, что мир греховен, что всё в мире разорвано» [1, с. 127]. В Советском Союзе был сделан расчёт на общественные отношения, что автоматически исключило личностное, элитарное начало в культуре нации. «Новая жизнь ожидалась исключительно от изменений социальной среды, от внешней общественности, а не от творческих изменений в личности, не от духовного перерождения народа, его воли, его сознания», – пишет Н.А. Бердяев [1, с. 463]. В результате целая плеяда крупных представителей культуры Серебряного века оказалась чуждой в своей же стране. Отныне их искания

перестали быть не только востребованными, но начали противоречить общей культурной парадигме. Вместе с идеей необходимости духовной жизни советская культура отвергла и философскую мысль, что также нельзя объяснить некой досадной случайностью или оплошностью, ибо философия призвана совершенствовать духовность личности, обращена не к массовому, а к индивидуальному мировоззрению.

Изгнание индивидуального начала в культуре привело к отвержению самооценности человека и к упованию на то, что именно общество станет задавать меру значимости человека, а сам он потеряет самооценность, начнёт беспрекословно, слепо служить государству. Если в православном богословии господствует установка на то, что человек должен обожиться и спастись по собственным личностным усилиям в деле стяжания Святого Духа, а не получить благодать исключительно по воле Бога, то в СССР гражданин должен был жить в абсолютной связи с коллективом и всецело зависеть от последнего. Между тем именно в субъективном опыте индивид понимает то, что развитие духовных качеств зависит только от него самого, именно внутренний мир человека есть пространство его духовных переживаний, которые в основном не должны зависеть от чего-либо внешнего, социального. Вполне закономерным выглядело то, что в Советском Союзе народ, сделав ставку на объективные законы логики и общественную силу, принял за истину те громкие заявления, звучавшие так часто с самых высоких трибун, обещания того, что человеку удастся построить идеальный мир – коммунизм. Поистине не без основания Н.А. Бердяев утверждает: «Мечтательное отрицание государства во имя утопии земного рая и блаженства есть разврат в жизни общественной...» [1, с. 529]. Стремление построить мир на принципах логики неизбежно вело общество от духовной жизни к социально-политической, для ориентации в которой достаточно знать законы мира сего. «Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить её одними человеческими силами» [1, с. 621]. Подобные установки были естественны для мира вещей, но не естественны для человека, ибо он живёт по законам, отличным от законов естественных. То, что нормально для животного, не естественно для человека. Конечно, в России были мыслители, которые питали надежду построить идеальный мир на земле, например В.С. Соловьёв; но все они этот мир называли Царством Божьим, тем самым подчёркивая то, что он может стать реальностью лишь в том случае, когда люди, стремящиеся создать его, обретут себя в Духе Святом. Впрочем, в Советской России речь шла о построении земного идеального мира без Бога, исключительно на основе человеческих сил, воли народных масс. Такое убеждение есть закономерный результат того, что нация утратила веру в метафизический мир, в котором, согласно учению Православной Церкви, возможно богочеловечество. Собственно говоря, ясные представления о метафизическом мире были присущи лишь духовным людям с развитым личностным сознанием; они осознавали то, что на земле невозможно построить идеальный мир на основе

рассудка, ибо человек есть нечто большее, чем животное, существующее по естественному закону. Даже если бы Советскому государству и удалось бы – гипотетически – построить коммунизм, то возник бы вопрос: куда двигаться дальше? Между тем за остановкой развития неизменно следует регресс, ибо третьего не дано: система либо развивается, либо регрессирует. Это прекрасно понимали философы, писатели, поэты Серебряного века, видевшие несовершенство физического мира, где духовному человеку нет достойного места и нет пути для полной реализации своих имманентных качеств. «Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову», – сказано в Писании (Евангелие от Матфея, 8 : 20). В предметно-физическом мире индивид ищет пути для *всецелостного* раскрытия своих возможностей, а таких путей в этом мире нет: в человека изначально вложено божественное начало, возвышенной и совершенной того бытия, в котором проистекает его земная жизнь. Человек ищет совершенное место в мире, но его не находит, поскольку такого места для него в земном бытии нет. Можно лишь частично реализовать свой потенциал, найти более или менее подходящее, благоприятное местопребывание для сохранения и обогащения своей человеческой природы, но полное соответствие сущности человека и естественного мира в земном бытии немыслимо. Что же касается метафизического мира, то, индивиду, находящемуся в среде, подчинённой естественному закону, невозможно рассудком постичь это метафизическое бытие, невозможно объяснить его словами, которые так важны для мышления в вещественном мире.

В советском обществе поэзия, философские учения, говорящие о духовном мире человека, о его субъективных качествах, оказались не столь уж востребованы. В ментальном мире людей первостепенной задачей стало культивирование чувства товарищества, патриотизма, долга перед страной. Безусловно, все эти чувства благородные, возвышенные, но они должны иметь духовную основу и глубокое индивидуальное осмысление, коих в советском обществе по сути почти не было. О переносе акцента русской культурной парадигмы с субъективного начала на объективное свидетельствует и новое понимание сущности личности, отныне рассматриваемой не столько в контексте уникальности духовного опыта, сколько в значении общественной полезности.

В таких достаточно непростых условиях отдельные философы, деятели культуры Серебряного века оказались на деле не столь уж востребованы в новой российской действительности. В обществе они являлись явным, подчас неприятным напоминанием об аристократии, которая, согласно классовым идеям, должна быть изжита. Между тем, как точно замечает Н.А. Бердяев, «личное начало раскрывается, кристаллизуется и развивается прежде всего в аристократии» [1, с. 595]. Тем не менее с сожалением приходится констатировать то, что философия, лирика Серебряного века нередко стали восприниматься не просто как чуждые элементы в жизни Советского государства, но ещё и как идеологически опасные для него, ибо

они утверждали приоритет личности над государством и массой, стремились к свободе не только всего человечества, но и отдельно взятого индивида. «Свобода аристократична, а не демократична, она обращена к личности, а не к массе», - утверждает Н.А. Бердяев [1, с. 624]. Поэтому-то не вызывает удивления тот факт, что многим представителям русской культуры пришлось эмигрировать в Европу. Главной причиной вынужденного переселения в другие страны русских деятелей культуры стали их идеалы, рождённые в глубине уникального духовного опыта, которые были чуждыми для понимания в объективном сознании общественности и не приносили практической пользы в государстве, подчинившего себе человека. Разумеется, часть русских поэтов, мыслителей нашли место своему таланту и в новой системе общественных отношений (или же были вынуждены смириться с объективной реальностью), но некоторые деятели культуры были настолько сильно преданы своему внутреннему миру, субъективному опыту, что оказались по сути вытесненными из отечественной культуры. Это вырождение, вытравливание идеи личности привело к нарушению баланса между обществом и индивидом и породило болезненную ориентацию на интересы народных масс, при которой мало было возможности увидеть индивидуальность человека, уникальность его жизни. Иными словами, если до революции доминировала идея личности, которой невозможно было проявить себя в среде деспотизма, то в 1920-х годах изживалась сама идея личности. Вполне закономерно то, что даже убийство человека рассматривалось не как трагедия индивидуальной жизни, а как проблема общества, класса. Так, если в 1920 или 1930-х годах убивали не комиссара или комсомольца, а священнослужителя, то подчас вообще не поднимался вопрос о совершённом преступлении, ибо жизнь человека воспринималась не как самоценность, а главным образом в соответствии с классовой принадлежностью.

Само собой разумеется, в условиях вырождения личности может господствовать лишь толпа, живущая согласно законам биологического выживания и подчиняющаяся животным законам. Последние не признают никакой свободы – они морально слепы, нейтральны, так же как морально нейтральны явления природы. Так и человек, живущий исключительно общественными интересами, покорившийся объективным требованиям, отказывается от каких-либо угрызений совести, от всего того, что возлагает на него персональную ответственность. Действительно, любое своё действие можно оправдать решением партии, желанием общества, интересами страны. Однако чувство индивидуальной ответственности всегда, зримо или незримо, будет сопровождать человека, и, если чаяния его души, надежды на её спасение игнорируются – человек по существу умирает.

Тем не менее нельзя забывать и об опасности крайнего индивидуализма. В начале данной работы говорилось о культурном кризисе в России, вследствие которого русская передовая общественность стала более внимательно смотреть на страны Запада, где идея личного интереса

превалировала над коллективным. Эту идею ряд представителей русской культуры восприняли как часть своего мировидения.

В действительности же справиться в одиночку с жизненными проблемами при слабом индивидуальном сознании для рядового гражданина оказалось невыполнимой задачей, поэтому ему оставалось надеяться только на силы общественного сознания, ориентация на которое не была свойственна представителям культуры Серебряного века. Советская государственность всецело переориентировалась на западноевропейскую философию, представленную, прежде всего, в марксизме, а в последующем – в социал-дарвинизме. Эта философия, постигающая не тот мир, который является частью Божьего и познаётся в духовном опыте, в Откровении, а тот мир, который есть производное от материи, познаваемой на основе логики. Д.П. Кузнецов справедливо замечает: «Западная философия попыталась превратить философа в машину умозаключений, отрицая необходимость «посвящения и приобщения для стяжания знания, гнозиса», тем самым закрывая для философа тайны бытия, лишая личность философа субстанциональности и делая её частным случаем, единичным проявлением законов мышления» [5, с. 98]. Причём пусть читателя не подкупают слова о частном случае, как о личностном начале, ибо это не есть утверждение идеи личности. Частный случай – это всего лишь проявление морально нейтрального закона, слепой логики естественного бытия, в которой терялась всякая бытийная основа личностного духа человеческого существа. Последнее во многом и послужило одной из причин эмиграции в Европу ряда русских мыслителей, поэтов и писателей культуры Серебряного века – сложного времени, в котором личность столь страстно стремилась спасти себя и окружающий мир в условиях, когда этот мир так грубо её отвергает.

Библиография

1. Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ; Харьков: «Фолио», 2002. – 736 с.
2. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М.: АСТ; Харьков: «Фолио», 2001. – 672 с.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 8. – М.: «Правда», 1982. – 461 с.
4. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. – 586 с.
5. Кузнецов Д.П. История и человек: проблема завершённости и совершенства в русской религиозной философии. Курск: КГМУ, 2005. – 128 с.

Аннотация

Данная статья касается проблемы соотношения субъективной и объективной компонент в русской культуре первой трети XX столетия. Обращает внимание на выкристаллизацию идеи личности в светском контексте в

период культуры Серебряного века. Вместе с тем культура Советской России акцентировала внимание на объективной стороне познания мира, отвергнув духовный опыт, подменив понятие *духовность* понятием *нравственность*. Естественно, что в советский период личность преимущественно понимали не в контексте её уникального духовного опыта, а в системе общественных отношений.

Summary

This article is devoted to the problem of the correlation of subjective and objective components of Russian culture. It is necessary to attend attention that during the Silver age in Russian culture the subjective element dominated, but in culture of the Soviet Russia has been emphasized on the objective component of culture. The main cultural phenomena in the Soviet Russia were perceived on the basis of the social outlook. However in the culture of Russian emigration the subjective component as a main basis for understanding and creation of cultural values was still kept.

Ключевые слова: культура, общество, субъективизм, объективизм

Key words: culture, society, objectivism, subjectivism

Статья издана:

Панищев А.Л. Субъективное и объективное начала в русской литературе первой трети XX века / А.Л. Панищев // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 6. – С. 139-143.